

Воронец М. В.

Алтайский государственный университет.

Научный руководитель – С.В. Доронина, к.ф.н., доц.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА: УЗУС И КОДИФИКАЦИЯ

Нормы употребления причастных оборотов довольно относительно. По этой причине мы имеем множество кодифицированных правил, подвергающихся регулярным нарушениям со стороны носителей языка. Количество и последовательность этих нарушений позволяют поставить вопрос о том, что считать ошибками в употреблении причастий. На первом этапе решения этого вопроса необходимо сопоставить рекомендации учебных пособий с разговорной практикой носителей языка. В данной работе представлены примеры наиболее регулярных отклонений от кодификации, распределённых по группам в зависимости от того, какое правило в них нарушается. На базе отобранного «отрицательного материала» был проведён эксперимент, в рамках которого участникам предлагалось отметить предложения, которые они считают ненормативными, и по возможности исправить их. Рассмотрим примеры из выделенных нами групп:

Первая группа:

1) Профессионалы выдержали атаку «любителей», но подобная «ничья», года четыре назад прошедшая бы незамеченной, в сегодняшней неопределённой обстановке настораживает.

Сочетание причастия с частицей «бы». Не смотря на регулярность использования рассматриваемой конструкции, в кодифицированной литературе мы встречаем строгие запреты на её употребление. «*Не употребляются также причастия в сочетании с частицей бы, так как от глаголов в форме сослагательного наклонения причастия не образуются*» [1, с. 369] Как мы видим, этот запрет основывается на представлении, что *форма на –л плюс частица бы* – форма синтетическая. Однако, скорее всего, *форма на –л плюс частица бы* – особая синтаксическая конструкция, где частица *бы* сохраняет свою независимость. Предложение исправили 15% опрошенных.

Вторая группа:

1) Венеция — город-мечта Великолепные дворцы, перламутровые церкви, разряжённые соборы, отражающиеся в зеркале каналов, — всё это кажется миражом, вот-вот растворяющимся в воздухе.

Употребление причастий с контекстуальным значением будущего времени, образованных от глаголов совершенного вида. Известно, что у причастий нет формы будущего времени. Однако такие предложения регулярно встречаются в литературе разных жанров, значит, язык нуждается в причастиях будущего времени. Предложение исправили 22% опрошенных.

Третья группа:

1) Завод построили за три года вместо предполагаемых двух.

2) Видимо, все эти чувства были написаны на моём лице, потому что

какой-то мужчина, сидящий в шезлонге недалеко от нас, разразился смехом.

Причастие не согласуется с глаголом во времени. Значение времени у причастия относительное, зависящее от основного глагола. Однако атрибутивная связь причастия с существительным ослабляет его связь с основным глаголом, что приводит к появлению «ошибок» в согласовании основного глагола и причастия. Первое предложение Д. Э. Розенталя признаёт семантически неточным. Тем не менее, участники эксперимента нарушения не обнаружили: время причастия попытались изменить только 6% опрошенных. Второе предложение иллюстрирует ещё одну реализацию этого правила: *«При прошедшем времени глагола-сказуемого причастие настоящего времени указывает на постоянный признак, причастие прошедшего времени – на временный признак»* [1, с. 368]. Однако во втором предложении причастие обозначает признак временный, сопутствующий описываемой ситуации. Тем не менее, предложение воспринимается носителями языка как нормативное: только 2% опрошенных изменили время причастия.

Четвёртая группа:

1) Лесную тишину временами нарушали сорвавшиеся с высоких сосен комья снега.

Причастие не согласуется с глаголом по виду. Основной глагол указывает на повторяющееся действие и соответственно предполагает использование причастия несовершенного вида «срывавшиеся». Тем не менее, видовое несоответствие не было замечено носителями языка: предложение исправили 25% опрошенных. Как было указано выше, для причастия особенно важна атрибутивная связь, поэтому, по-видимому, совершенный вид у причастия также может использоваться как немаркированный.

Пятая группа:

1) Книгу я взял у подруги моей сестры, уехавшей на дачу.

Двойкая соотнесённость причастного оборота. В рассматриваемом предложении есть несколько существительных, совпадающих по грамматическим признакам, к каждому из которых может относиться причастный оборот, что препятствует пониманию, хотя в реальной речи, конечно, помогает контекст. Понять, о ком идёт речь в данном предложении сложно, но и здесь нам может помочь определённая логика. Сестра в предложении упоминается для того, чтобы идентифицировать человека, у которого говорящий берёт книгу: сестра подруги. В таком случае нет никакого смысла уточнять, что сестра уехала на дачу. Если же причастный оборот относится к подруге, он может указывать, например, на причинно-следственные отношения: подруга уехала на дачу и отдала на время книгу. В ходе эксперимента только 34% участников оценили предложение как ненормативное. Обычно носители языка считают приемлемыми те предложения, которые не затрудняют понимания. По-видимому, в данном случае этот принцип сработал наоборот и, не увидев грамматического нарушения, опрашиваемые не стали исправлять предложение. Таким образом, для проверки нормативности предложений данной группы следует провести другой эксперимент, направленный на выявление их понимания.

Шестая группа:

1) *Фрукты нового урожая, отправляющиеся с юга, поступают уже в промышленные центры страны.*

2) *Продравшись, парень кинулся на только что освободившийся стул, бухнул на стул тяжеленную толстую книгу, обложился какими-то бумагами и усердно принялся за работу.*

Смещение возвратного и страдательного значения в формах причастий на –ся. В рассматриваемых нами примерах причастия передают страдательное значение, хотя, например, во втором примере пассивность утрачивается, так как для говорящего не важно, кто освободил стул. Однако, как пишет А. М. Пешковский, «...формы на –ся лишь по нужде и лишь с большим трудом приобретает страдательное значение. Только сопровождающий эту форму твор. пад. действующего лица или острая потребность в нём заставляют понимать её страдательно» [2, с. 123]. Тем не менее, использование причастий на –ся привычно для носителей языка. Оно указывает только на то, что для говорящего не важен субъект действия. Первое предложение исправили 47% опрошенных, второе 0%. Легко заметить, что количество исправлений обратно пропорционально степени утраты пассивности в предложениях.

Седьмая группа:

1) *Приехавшие делегаты разместились в общежитии.*

Причастия без пояснительных слов. Причастия, как отмечает Д. Э. Розенталь, подобно другим формам глаголов сильного управления, требуют при себе пояснительных слов. Однако это правило реализуется довольно непоследовательно, так как обычно ситуация ясна из контекста. Предложение исправили 2% опрошенных.

Восьмая группа:

1) *...а внизу были вмонтированы фотографии, не имеющие никакого отношения к его реальной жизни, но которые таким образом были искусственно привязаны к нему.*

2) *От неё я часто слыхала рассказ про геройского комиссара, а также ещё про некоторых, как она говорила "больших людей", к ней сватавшихся, и которых она уже не уточняла в своём рассказе...*

Соединение как однородных синтаксических элементов причастных оборотов, являющихся членами предложения, и придаточных предложений. По-видимому, вопрос в том, что считать однородными синтаксическими элементами. В качестве основы возьмём определение Н. С. Валгиной: «...однородными являются члены предложения, связанные сочинительными отношениями и занимающие одинаковую синтаксическую позицию» [3, с. 218]. То, что причастные обороты и придаточные предложения в примерах данной группы связаны сочинительными отношениями, сомнений не вызывает. Гораздо сложнее признать, что причастный оборот, являющийся членом предложения, и придаточное предложение занимают одну и ту же синтаксическую позицию. И, тем не менее, такое утверждение имеет определённые основания. И придаточное предложение, и причастный оборот в рассматриваемых предложениях реализуют один и тот же вид подчинительной

связи: согласование и относятся к одному определяемому слову, то есть выполняют функцию определения. Таким образом, такое соединение, может быть, и не слишком удачно, но, по крайней мере, не нарушает языковую норму. Эксперимент показал, что носители языка расходятся во взглядах на нормативность подобных конструкций. Первое предложение исправили второе – 30% опрошенных, третье - 2%. Таким образом, можно предположить, что предложения, в которых причастный оборот относится к слову в косвенном падеже, воспринимаются как более нормативные.

Девятая группа:

1) «...свет заслонял огромный камень, свалившийся откуда-то сверху и застрявший в расщелине. И у мальчика создалось впечатление – очень непрочно застрявший, вот-вот совсем рухнет и окончательно перекроет выход...»

Причастие находится в одном предложении, а определяемое слово в другом. Собственно это уже определённый приём. Автор разбивает предложения так, как считает нужным. При этом при последовательном чтении смысл, конечно, не искажается, хотя само по себе предложение с причастием является неполным и непонятным. Предложение исправили 29% опрошенных.

Проведённое исследование доказало, что существующие нормы употребления причастий довольно относительны. Запреты на то или иное использование причастий довольно противоречивы и постоянно нарушаются в речевой практике, значит, кодификация требует реформирования.

Библиографический список

1. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, И. П. Кабанова. М.: Айрис-Пресс, 2009. 496 с.

2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: учебник для вузов по специальности «журналистика». М.: Высшая школа, 1991. 432 с.